

**ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО
В ИСКУССТВЕ
ДАШИ НАМДАКОВА**

Л.В. МАРЦ

Даши Намдаков

2

Я передаю, я не сочиняю. Я верю в древность и люблю ее», — одно из изречений Конфуция. Эти древние слова, перекликающиеся с тем, что было сказано Даши Намдакову в начале его жизненного пути, в полной мере характеризуют особенности его творчества.

Первые выставки 2000–2004 гг. в Иркутске, Москве и Санкт-Петербурге показали, что перед нами состоявшийся, сформировавшийся художник. Ему не нужно было пробиваться — его сразу заметили. Казалось бы, молодой, не принимавший участие в конкурсах, он продемонстрировал на выставках в комплексе идей, образов, наполненных подтекстом, силу воображения и мастерство исполнения.

Знакомство с произведениями Даши Намдакова было неожиданным. Его скульптура сразу поразила умы зрителей. О нем заговорили как о самобытном художнике. Всего за несколько лет Даши Намдаков превратился в значимого творца, который определяет одно из современных художественных направлений в развитии пластического искусства. Художник способен сочетать работу над графикой и изящной пластикой с грандиозными проектами: уже установлены его памятники «Ханшаим» в г. Астане, Казахстан, 2008 г., и скульптура «Золотая Шория» в Таштаголе в 2010 г. (с. 130). А ведь его имя звучит всего двенадцать лет.

Сейчас имя Даши Намдакова широко известно за пределами России. Являясь ярким представителем творчества и традиций Азии, сегодня он воспринимает опыт и приемы европейского искусства. Даши родился в 1967 году в селе Укурик, в Забайкалье. Семья была многодетной, он был шестым ребенком.

3

Жили так, как принято жить у бурят — скромно и просто, все вместе, главные в семье — родители, дети воспитывались в почтении к старшим; все, в том числе и маленькие дети, были приучены к труду, обеспечивая скудное существование. Время для Бурятии было непростым — буддийское вероисповедание и народные верования не приветствовались, ламы и шаманы подвергались гонению. Произведения искусства: иконы-тангка, бронзовые скульптуры конфисковывали, уничтожали; их приходилось прятать, рискуя собственной жизнью.

Отец Даши, Бальжин Намдаков, является не только глубоко верующим человеком, приверженцем буддийской веры, но и одаренным мастером. Он резал по дереву, дети видели возникавшие под его резцом изображения буддийских ламаистских божеств, символы или образы священников-лам. Своим детям он привил любовь к природе и умение видеть мир и передавать его в образах, созданных своими руками. Каждый из детей в семье имел художественные способности; они продолжают работать и сейчас, в чем-то помогая Даши. Для Даши это важно. Он постоянно носит единственное украшение — серебряное кольцо, сделанное его братом.

Когда мальчик родился, его бабушка пошла к ламам, в буддийский храм, в дацан. И бабушке сказали, что мальчик — необычный. И еще: «Если не умрет в 15 лет, то станет великим». «Даши нима» (тибетский) в переводе значит «удачливое солнце»... Предсказание сбылось, в 15 лет мальчик заболел, болел долго, но выжил. А помогли — шаманы. Потом настаивали: «Духи хотят, чтобы ты стал шаманом». Но он нашел в себе силы сказать, что хочет стать художником, хочет творить. И почти получил благословение: «Твое созидание — это твоя шаманская практика».

4

Даши учился в селе Могзон Читинской области, затем в 1988 году поступил в Красноярский художественный институт. В институте обучение у академика Л. Головницкого, переехавшего из Ленинграда, дало молодому художнику опыт и профессионализм. С 1992 по 1999 годы Намдаков жил и работал в Улан-Удэ. Главным направлением творчества в то время становится графика.

Это сказалось на всем его творчестве. В искусстве Даши кажется, что преобладает линия. Достаточно посмотреть на его рисунки, чтобы увидеть, как они наполнены движением. Линии перетекают одна в другую, острота и четкость вдруг преобразуются в округлые и мягкие изображения, и наоборот. Все это напоминает образы сновидений и указывает на особенности его мироощущения. «Я закрываю глаза и вижу их настолько явно, что как будто смотрю кино... вижу разных существ, и они живут в гармонии, но мир еще сложнее», — говорит сам художник.

Когда появилась возможность претворить рисунки в объемные изображения, у Даши наступил период невероятно активного творчества, произошла реализация графики в скульптуру, и сразу — и стремительный взлет, и признание, и успех.

В произведениях Даши мы видим этнические особенности. Сами названия выставок и образов говорят за себя: «Шаманы и воины», «Бронзовая Азия Даши», «Вселенная кочевника». Сегодня автор не отрицает свою принадлежность к кочевой культуре скифов и евразийских степей. Самым лучшим доказательством этому могут служить проекты, в которых показывается искус-

5

ство древних скифов, гуннов, монгольских воинов-кочевников, культура эпохи Чингисхана и наравне с ними работы современного мастера — Даши Намдакова, которого можно считать носителем старых культурных традиций номадов. Как доказательство этому — проект и выставка «Вселенная кочевников» 2004 года, в 2006 году экспонировавшаяся в Пекине. На выставке были одновременно показаны археологические памятники скифо-сарматского искусства, предметы шаманского культа и работы Даши.

Выставка, проходившая в Эрмитаже в 2010 году, называлась «Ностальгия по истокам»; экспозиция была организована в контексте кочевнической культуры скифо-сарматского и скифо-сибирского искусства, анималистического стиля, развившегося в середине I тысячелетия до новой эры на обширной территории пространства степей и Центральной Азии. Произведения Даши были показаны как развитие творчества ранних кочевников и того искусства, которое так богато представлено в коллекции Эрмитажа. Каталог, выпущенный к выставке, также подчеркивал творчество Даши как производное и как продолжение культурных традиций искусства номадов Центральной Азии.

Когда смотришь на изделия Даши Намдакова, то невольно любишь его произведениями. Но на многие из них хочется не только смотреть — возникает желание потрогать их руками или обладать ими. Они завораживают и оказывают воздействие. В творчестве мастера многое нашло отражение. Прежде всего, сразу обращает на себя внимание восточный оттенок, и это — не дань моде или увлечению, а, как принято говорить, «есть в крови». Неотъемлемая связь с природой и животными была присуща кочевникам степей Евразии с древности. Эти люди идентифицировали себя с мирозданием и природными

6

явлениями. А иначе как можно передать в скульптуре стихию, ветер, бег, силу, порыв? Образы зверей или мистических существ зачаровывают, и вера в них восходит к тотемным изображениям. Но эти существа не злые, их не боишься, наоборот, они имеют какую-то притягательную силу и несут доброту. Разделение на темные и светлые силы, на мужское и женское начало придает многим изделиям эротичность. Сильным и красивым оказывается женское начало. Трогательное, нежное, изящное, оно даже в чем-то преобладает над мужским. Хотя именно мужское начало определяло воинскую мощь и силу, всепоглощающую волю. Квинтэссенцией этих мотивов стали «Амазонка» (с. 118) и «Золотая Шория» 2010 г.

Говоря об основных тенденциях в искусстве Д. Намдакова, нельзя не отметить еще одно сильное направление, а именно религиозную тему. Вряд ли можно сказать, что Даши — буддист ламаистского толка, и что он создает буддийские бурятские образы. Скорее его искусство и взгляды можно считать синкретичными, связанными и с его этническим самосознанием, и с силами природы, и с кочевниками степей, и с шаманизмом, и с вечностью, и с тибетским буддизмом. Но буддийская тема невольно присутствует вследствие полученного воспитания в семье, влияния отца и жизни в Забайкалье. Мы видим это в скульптурах, изображающих лам, созерцающих или играющих на музыкальных инструментах («Ритуал», 2001 г., с. 73); в разделении на мужское и женское начало, в изображениях черепов. Продолжением буддийских традиций стала скульптура «Четверо дружных» (на бурятском «Туншээ») 2008 г., поставленная в Агинске (Забайкалье) к 100-летию юбилею дацана.

Безусловным признанием искусства Даши Намдакова в восточном, буддий-

7

ском мире стала его персональная выставка в 2004 году в Доме Тибета (Tibet House) в Нью-Йорке. Роберт Турман, один из ведущих специалистов по тибетскому искусству, сказал про Даши: «...он соединяет человека с природой и с жизнью. И он Пикассо бурят». Сегодня произведения Даши ценятся и экспонируются на Тайване, в материковом Китае (Гуанчжоу, Пекин — 2006–2007 гг.), Сингапуре.

Кроме того, нельзя не упомянуть дань Агвану Доржиеву, первому настоятелю Буддийского храма в Санкт-Петербурге. Это создание мемориальной доски, которая установлена на стене храма (Даши Намдаков совместно с Вячеславом Бухаевым). На круглом медальоне-барельефе отлито изображение ламы, сидящего в традиционной позе лотоса, в плаще, и держащего в руках сутру. Но и здесь наблюдается изысканность и текучесть линий, присущие мастеру, работающему в современном стиле, — в плавном движении тонких рук, в некоторой несоразмерности фигуры. Недавно скульптура «Маленький Будда» (2011, с. 23) авторства Даши была установлена в одном из самых почитаемых буддийских храмов России — Иволгинском дацане, недалеко от Улан-Удэ. Представляется, что буддийская тема будет продолжена в работах Даши и в дальнейшем, причем не только в бронзе, но и в ювелирном искусстве.

Есть еще одна важная особенность выражения идей мастера. Это — специфическое отношение не только к естеству, но и ко времени. Искусство Даши — вне времени. Отчасти хронология оказывается не важной — ведь в степи время идет по-другому. Легенды о древних кочевниках, эпические сказания, истории о походах Чингисхана — они рассказывают о давних или близких временах? Герои скульптора вполне современны, даже если это исторические или сакральные образы. Да он и сам про себя говорит, что живет в другое

время, скорее веке в XV.

Нам трудно сказать, кто из учителей или скульпторов оказал на Даши Намдакова влияние, и каким оно было. В его работах прослеживается многое, но может быть, это результат его самобытного видения мира. Прежде всего, это глубокая память предков, восходящая к народам, кочевавшим по степям Евразии или особенности искусства стран Дальнего Востока — Бурятии, Монголии, Тибета, Китая. Но здесь нет каноничности или некоторой застывшей традиции, которая отличает большинство характерных работ художников Азии — Бурятии, Монголии, Тибета. Его образы не подчинены канонам, скорее они являются отходом от них, оказываются неожиданными. Его работы отличаются свободой творчества на современном уровне, являясь авангардными, новаторскими.

При рассматривании произведений мастера возникают ассоциации. Трудно сказать — правильно это или нет, но так уж устроен мозг человека, что хочется найти что-то знакомое, и невольно становишься на путь сравнения. Можно предположить, что Даши как художник вырос вне знакомства с другими мастерами и произведениями искусства. Намдаков легко обращается с бронзой, она ему податлива. Многие его скульптуры производят впечатление мягкости материала. Тщательная обработка поверхности, цветная патина придают ощущение старины и благородства. Это искусство обработки бронзы мастер заимствовал на Востоке — у древних китайцев и литейщиков Азии. Но иногда нам кажется, что форма объемных бронзовых скульптур, имеющих округлые обтекаемые линии, как, например, «Рождение гения» (2004 г.) напоминает нам скульптуры Генри Мура («Мадонна с младенцем»). В других вещах прослежи-

вается линия, идущая от скульптур и ювелирных изделий Сальватора Дали. Мощный бронзовый конь-оберег Чингисхана Сэтэр (2002 г., с. 79), стоящий на изящных ножках, что особенно подчеркнуто в рисунках, или удлиненные фигуры «Он и Она» (2005 г., с. 90–91) могли бы прогуливаться вместе со слонами на высоких тонких ногах в парке Фигейрос. В этой же компании может очутиться и серебряный «Жук-паук» (2006 г.).

Бронза и золото высоко ценились у многих народов и были священными и ритуальными материалами на Дальнем Востоке. И трудно сказать, какие влияния больше преобладают в произведениях Даши. Мы видим черты скифо-сарматского стиля, иногда влияния гуннского (ордосского) искусства, относящегося к I тысячелетию до н.э. — периоду первых веков нашей эры, тюркского кочевнического искусства более позднего времени. Не случайно эти черты сильнее всего проявились именно в ювелирных изделиях мастера. Браслеты, пряжки поясов, детали оружия, другие украшения для скифских и гуннских правителей делали из золота. Золото было сакральным материалом, ему приписывалась возможность дарить власть владельцам. Считалось, что образы хищников — пантер, львов, тигров — давали носителю силу, передавали свои свойства. Изображения многих животных служили оберегом или тотемом, защищая воина или вождя от стрел, смерти, или помогая его семье в нелегкой жизни. Это была и вера в силу защиты, и соединение с природой. Не только реальные звери, но и легендарные и мифические существа, которые должны приносить добро и защищать от злых сил, присутствуют в ряду образов, используемых Даши Намдаковым. Это и пантера, и змеевидные драконы, и птица-зверь гаруда, и диковинные хранители-стражи.

Анималистический жанр характерен для творчества Намдакова. Европейскому скульптору, например, Евгению Лансере, при всей его любви к лошадям, чтобы понять их природу, нужно было поехать посмотреть этих красивых свободных животных в степях Киргизии. И все равно, мы видим, что скульптуры выполнены не восточным мастером. Детство Даши прошло среди природы, среди этих образов и представлений. Только ребенком он впитывал их глазами, кожей, слушал рассказы, легенды и мелодии, а сегодня эти образы, трансформированные его сознанием, перерождаются в его руках в новые архетипы. Грация, красота, «полет лошадей» или мягкость движения хищников — это те качества, которые казались неотъемлемыми для этих животных и восхищали восточных людей. Трепет и бесконечная любовь — особенные чувства, которые испытывает человек, родившийся на Востоке и проведший в степях ранние годы, наблюдая за этими священными для любого монгола или бурята животными в природе. Но не каждому удается передать это в образах.

Достаточно посмотреть на многие скульптуры и ювелирные украшения, — браслеты, серьги, подвески, — чтобы узнать характерные черты анималистического кочевнического и восточного искусства. Образ одного зверя перетекает в другой, вытянутые линии соединяются, взгляд следит за изгибами, и вдруг оказывается, что один зверь или маска составлен из каких-то других образных деталей («Вечер», 2000 г., с. 66). Одно и то же изображение может быть прочитано или увидено по-другому. Каждой детали придается символическое значение. Самыми часто используемыми формами украшений оказываются подвески и браслеты. Конечно, в подвесках или других украшениях мы узнаем свернувшуюся пантеру скифо-сибирского стиля, в рисунке изделия прослеживаются черты наскальных изображений, в пластике — воспо-

минание о золотой бляхе из Сибирской коллекции. Эти формы украшений не случайны — ведь именно подвески и браслеты надевали на Дальнем Востоке еще младенцам, чтобы замкнуть их жизнь, чтобы она не утекала из них. Не надевала ли мать Даши на мальчика браслеты, когда он родился или болел? Одни изделия являются традиционными, например, браслеты «Близнецы» (2004 г.) и «Истина» (2004 г.) увенчивают две драконовидные головы, на последнем — обращенные к рубиновой пылающей жемчужине, которую они поддерживают. Другие браслеты кажутся игрой воображения: они окольцовывают руку, и вдруг образуют маску хищной птицы с клювом или барана.

Во многих вещах Намдакова мы видим влияние монгольского искусства X–XIII веков. Это проявляется не только в изображениях лошадей, воинов, но даже в атрибутах, отдельных деталях скульптур: в головных уборах, одеждах, оружии. Идея наконечника стрелы и тонкого скуластого монголоидного лица или гиперболизировано удлиненной «стреловидной» маски перекликаются и символизируют у художника вечность. Это наиболее четко прослеживается в таких изделиях, как «Степная Нефертити» (2001 г., с. 77), «Цель» (2005 г.), «Вечность» (2006 г.) и других. В более ранних ювелирных скульптурах Даши, выполненных из серебра, видны традиции бурятского искусства — в формах, в использовании именно серебра, а не других ювелирных металлов, в способах обработки, в сочетании с другими материалами, например, отбеленное серебро с красными кораллами. Характерными работами этого стиля оказываются фигурка «Принцессы» (1999 г.) или «Вельможи» (2002 г.).

Большая свобода в затратах и приобретении материалов позволила сегодня Даши Намдакову попробовать свои силы в разных новых видах искусства —

работать не только в области рисунка, в графике, но и в драгоценных материалах, таких как серебро, золото, бивень мамонта, драгоценные камни. Но самые грандиозные его произведения выполнены в бронзе. При этом произведения мастера в разных жанрах остаются взаимосвязанными и по образности, и по методам исполнения. Его скульптуры — ювелирны, а украшения — скульптурны; и скульптуры, и украшения вырастают из его графики. Язык и стиль именно Даши Намдакова легко узнаваем, его ни с кем не перепутаешь. Художник проявляется с одинаковой силой в разных по пластическим свойствам и по твердости материалах.

Для своих ювелирных работ мастер выбирал дорогие материалы, хотя в основном они традиционны. Кажется, сейчас Даши не работает в серебре, главным металлом для него стало золото. Но во многих изделиях золото имеет разные оттенки, часто используется белое золото. Применяются разные приемы обработки металлов и сплавов. Гладкое полированное золото сочетается с неполированным, почти не обработанным или только отлитым, напоминающим самородки, металлом, блестящие поверхности — с матовыми. В качестве дополнений Намдаков вкрапляет цветные камни — драгоценные синие и красные, полудрагоценные зеленые. В большинстве они, как и принято было в древности и на Востоке, не огранены, а отполированы кабошонами и глубоко посажены в пазы металла. Чаще всего это яркие сияющие полупрозрачные крупные кабошоны драгоценных камней, с эффектом звезды или «кошачьего глаза», жемчужные бусины, которые используются для инкрустации глаз, и тогда маски как будто оживают. Значительно реже пока встречаются в изделиях ограненные бриллианты или рубины — это тенденции современного отношения к драгоценностям.

Некоторые материалы кажутся неожиданными для восточного мастера: например, использование мамонтовой кости. Но кость манит художника и как материал, который перекликается с тем, что он видел в степях Забайкалья — обветренные и омытые дождями останки людей, которых не принято было хоронить, а оставляли «силам природы», кости и черепа животных. Они были ему не страшны, ведь в этом отражался образ жизни народа, вера в перерождение и обновление. Даши воссоздает жизнь в стилизованных уменьшенных изображениях в ювелирных изделиях, и мамонтовая кость оказывается наиболее схожим и подходящим материалом.

Иногда Намдаков работает с материалами не так, как принято: мамонтовая кость оказывается проколота гвоздиками золота, как на нагрудном украшении «Телец» (2004 г.). Маска тельца кажется неудобной для ношения, но если надеть ее как гривну, то рога сразу становятся «функциональными», на них подвеска фиксируется. Ювелирные украшения мастера при всей своей скульптурности — удобны. Спиралевидный браслет с головой барана охватывает руку. Небольшой «Лемур» (2007 г.), который сначала был создан как подвеска, а в 2008 году повторен в кольце, оживает, удобно устраивается на пальце, смотрит на своего хозяина глазками-бусинами. В этом украшении проявились многие особенности ювелирного стиля Намдакова. С одной стороны лемур — не традиционное для кочевнического искусства животное. Но то, как он свернулся, изгиб его тела и на подвеске, и на кольце является продолжением темы свернувшейся пантеры из скифского искусства. Эти новые (2007–2008 гг.) украшения Даши вообще чаще всего имеют С-образную форму, которая прослеживается во многих изделиях — и в браслетах, например, «Барс»,

и в подвесках — «Хамелеон», «Ящерица». И даже простые ювелирные украшения — как, например, серьги с бриллиантами (2007 г.), имеют подтекст: их форма и механика восходят к застежкам пряжек поясов.

Отделка поверхности изделий тоже напоминает инкрустацию пастой или полудрагоценными камнями на скифских золотых украшениях. Только выбор материала у мастера сегодня богаче — Даши выбирает ограненные бриллианты для передачи шерстки лемура, хотя и сажает их глубоко в материал, как будто имитирует. Эти приемы во многом противоречат современным общепринятым законам ювелирного искусства. Бриллиант, рубин следует оправлять так, чтобы выявить игру света, поднять его над кастом. Для Даши камни — не драгоценность, не самоцель, а лишь материал, благодаря которому мастер может передать свое художественное видение образа. Из-за этого, когда смотришь на некоторые ювелирные изделия, например, на кольцо «Козерог» (2007 г.) или «Жук» (2008 г.), возникает недоумение: драгоценные ограненные камни можно и не увидеть, они оказываются спрятанными в нижнем уровне скульптуры (например, на тельце жука под раскрытыми крыльями). Но благодаря таким приемам многие фигурки оживают. В этих особенностях использования материала проявляется интерес Даши к фактурам, к новым по колориту и по сочетанию поверхностям, а значит, к созданию новаторских произведений. Эти неожиданные эксперименты с разными материалами мы видели и раньше, достаточно вспомнить скульптуру «Ворон» (2001 г.) из железа, бронзы, конского волоса и кожи.

Изделия из драгоценных материалов Д. Намдакова можно носить, они становятся оберегами, тотемами, в них невольно начинаешь верить; они, наверное,

имеют душу. Как и украшения минувших эпох они завораживают, имеют шаманскую власть и остаются символами жизни и вечности.

Тема Чингисхана, как признается сам художник, для бурята — запретная, это — священное табу, которое «не хотелось нарушать». Но она манит и завораживает Даши, он невольно обращается к ставшему эпическим великому герою монгольского народа. Не случайно, наверное, Даши согласился стать художником фильма С. Бодрова «Монгол», посвященного Чингисхану, который в сентябре 2007 года был показан в прокате. Но и здесь не обошлось без мистики. Перед съемками было решено попросить благословения у шамана. Оно было получено. Может быть, это обеспечило успех фильму? Художнику удалось создать характерный графический образ монголов (рисунок «Монгол», 2006 г.) или скачущих по степи воинов даже на экране. Это касается и общих планов. А оружие и доспехи главных героев даже были выкованы в его мастерской. Изображение воинственных монголов получилось убедительным, картины боя или скачущих воинов — захватывающими. Его работа как художника была заслуженно оценена: номинирована на «Оскара» в Соединенных Штатах в 2007 г., и в том же году он получил «Нику» в России.

К теме символического героя в скульптуре Даши шел не один год. В начале 2000-х годов были созданы воины, знаменитый конь Сэтэр, слившийся в легендах с образом Чингисхана. В скульптуре «Чингисхан» 2003 г. (с. 80), эпичной по замыслу, хоть и небольшой по размеру, великий правитель изображен как буддийское божество, мифический создатель монгольского государства. За последние несколько лет произведения Даши получили иное развитие. Произошло это в Италии, с применений новых технологий литья и обработки

поверхности, особенно с использованием различной патины и приемов, к которым Намдаков обратился, работая в мастерских г. Пьетрасанта. Первым образцом этих новшеств были «Амазонка» и две скульптуры «Воин с соколом» (с. 149) и «Генерал» (с. 125), которые были уже представлены на выставке в Эрмитаже в 2010 г., но не вошли в каталог. В новых условиях оказалось возможным не только придумывать, но и отливать скульптуры огромных размеров, а главное, вписывать этих колоссов в природный контекст. Сначала была создана «Золотая Шория» (2010 г.) — мифическое женское божество, подносящее чашу с огнем, сидя верхом на лосе. Мощная и одновременно изящная, красивая скульптура установлена в Горной Шории, причем учтены и особенности розы ветров — в скульптуре применена кинематика, от ветра рога лося поворачиваются, скульптуру не сносит порывами. Она видна издалека и служит символом силы и духа.

И вот новое в грандиозной скульптуре — Даши решился обратиться к образу Чингисхана. В сознании Намдакова Чингисхан — это всегда легендарный герой, завоеватель, властелин. Многие элементы, связанные с ханом, правителем, силой власти повторяются и в бронзе, и в золоте, и в других материалах. Мы их видели раньше: это ханская корона или шапка, стержень на шлеме, завитые рога; священное монгольское оружие: лук и стрелы, кинжалы. Все это было уже во многих произведениях. Одна из самых первых скульптур, показанная на выставке в 2002 г. в Петербурге, была намеком на тему, всегда тревожившую Даши: это был воин на коне, узнаваемый, но не имевший еще имени великого хана. Но до 2010 г. это была графика или сравнительно мелкая пластика, возникавшая в воображении скульптора. Рост героя шел постепенно, от маленьких ювелирных фигур был сделан шаг к воинам в графике,

кинематографе, скульптуре. И вот теперь новое творение: огромная скульптура под открытым небом. Перед нами высится Чингисхан на Сэтэре — всадник, властелин мира.

Мы невольно ждем от Даши новых свершений. Уже возникают в воображении и графике мастера будущие громадные памятники в Республике Татарстан — хранители, символы-треножки. Хочется верить, что они сохранят стиль и красоту работ Намдакова. И, несомненно, талант и воображение, особенность видения скульптора найдут новое выражение.

Многие черты и параллели, которые мы видим в произведениях Даши Намдакова, — неосознанные, возможно, они не оказываются повторением других образов, а являются лишь традицией, отголоском культуры давних времен, и демонстрируют нам развитие современного творчества.

Глядя на творения Даши, мы снова слышим слова из древних изречений. «Шаманская практика, энергия пройдут сквозь тебя, и в этом твое предназначение. Все, что ты творишь своими руками, не твоя заслуга, — сказал когда-то шаман еще совсем молодому Даши. — Это заслуга твоих предков. Через тебя они решили донести до людей искусство. Ты же просто звено, которое служит для передачи информации из мира духовного в мир земной». Мы можем сказать, что существует генетическая память. И она нашла выход в произведениях бурятского художника Даши Намдакова.

